

В последние годы появилась даже некая форма «политкорректности по-русски», она совсем не похожа на западную, но принцип тот же — нельзя выходить за флажки; не то чтобы незаконно, а как-то не принято, — и последствия нарушения границ дозволенного для многих оказались катастрофическими.

На этом фоне белой вороной выглядит издательство «УльтраКультура». Оно крошечное, но по известности может потягаться с такими зубрами, как «Вагриус» или «Олма-пресс».

Специализация у «УльтраКультуры» — нарушение всевозможных табу, причем не только культурных, а в первую очередь именно политических.

Идейный вдохновитель «УльтраКультуры» — человек известный: Илья КОРМИЛЬЦЕВ.

В юности Кормильцев написал мистическое стихотворение про мальчика, выстукивающего на пляже мелодию на ржавых консервных банках. Мальчик рос и колотил уже по большим бакам, цистернам, оглушая мир...

Кормильцев отчасти предсказал себе судьбу. В 80-х он был известен как рок-поэт и автор песен группы «Наутилус Помпилиус», в 90-х — как культуролог и автор эстетской теле-рекламы, а в начале XXI века к нему пришла репутация интеллектуального террориста...

С ним можно не соглашаться, что как раз и делает большинство сотрудников «Новой газеты»; его можно не любить, но единственное, что не получается с Кормильцевым, — не замечать его.

— нацистское. Вы публикуете «Дневник» Тернера — футуристический роман о «белом» будущем США. Вы публикуете книжки о русских формах нацизма. И апофеозом этой темы стал роман Дмитрия Нестерова «Скины» — талантливо, реалистично и с эпическим спокойствием описана жизнь молодого человека из спального района Москвы и его друзей. Четыре погрома на рынках. Три убийства. Энергия социальной обиды. Кстати, что стало с Нестеровым?

— Да ничего... Роман написан два с лишним года назад. Больше он не пишет ничего. И вроде бы уже и не

с толку, как у нас любят писать... Скины — это совершенно законный социальный институт постсоветского общества, который нужен власти как резерв на крайний случай...

— Вы считаете, что роль этого института будет возрастать?

— Зависит от того, насколько власть будет чувствовать, что способна справиться мягкими способами.

Чем комфортнее будет чувствовать себя власть, тем маргинальнее будет национализм уличей. Если у власти возникнут проблемы, то скинхеды станут более уважаемыми, и степень

в городе появляется чужой. С его появлением эта иллюзия мира и покоя рушится.

Это не зависит от образовательного уровня... Ведь каждый, когда видит, скажем, африканца, испытывает некое метафизическое напряжение внутри. Даже не важно, со знаком минус или плюс. Он испытывает созерцание «иного». Сильный человек способен это в себе преодолеть. Слабый человек поступает так, как ему командует Большая Обезьяна внутри него.

— Илья Валерьевич! А вы не преувеличиваете размеры этой обезьяны, сидящей в среднем человеке?

Когда своих назначают чужими

«Наутилус» Илья Кормильцев — о манипулировании сознанием, национализме и наркотиках

— Илья, готовясь к этому разговору, мы пролистали проспекты вашего издательства и выделали несколько главных ваших тем. Это манипуляция общественным сознанием, потребление наркотиков, нацизм и национализм.

Давайте начнем с манипуляции массами. Только в этом году вы издали три или четыре книги на эту тему...

— Манипуляция массами — это не совсем точное слово, точнее — это приемы изменения сознания. Изменение сознания происходило всегда в процессе развития человека, и ничего страшного в этом нет; ужасом является изменение сознания против твоей воли. Когда субъект вне тебя приватизирует твоё право на изменение сознания.

До определенного этапа власть не нуждалась в скры-

зультате газета была закрыта, самого Лимонова арестовали, и написание «Другой России» было частью выдвинутого обвинения. А «УльтраКультура» издает эту «Другую Россию» — и что, никаких последствий?

— Прошло два года, и команды в отношении Лимонова поменялись: было принято новое решение, как вести себя по отношению к Лимонову. В 1999—2000 годах начали шерстить всю маргинальную политическую тусовку. Не только у Лимонова проблемы были, досталось и Баркашову, просто он не является талантливым, знаковым человеком — вот этого и не заметили. Потом решили, что все это чушь, не там враги, а эти пусть оттягивают на себя какой-то спектр, который все равно будет заниматься этим, но хотя бы будет под контролем.

— А у вас нет боязни, что в госаппарате что-то в очередной раз повернется, шелкнет — и «УльтраКультура» назначат в «плохиши»?

— Так мы этого и ждем. Когда мы узнаем, за что нас назначили в «плохиши», — мы поймем, что сейчас максимально не по душе.

— И что тогда?

— Тогда мы сможем более конкретно сконцентрироваться на каком-то идеологическом направлении.

— Раз уж заговорили о Лимонове... Полгода назад вы издали его книжку, где он с яростью и ужасом пишет об обществе, большая часть которого превращается в придатки к станкам, и о том, что русское юношество необходимо спасти от этого. Но почему этот чистенький мир со станком страшнее, чем «анархия — мать порядка»?

— В истории России было мало анархии. Элементы анархии существовали дважды, во время двух революционных периодов — после 1917 года и в 1989—1992 годах, но ведь это была не тотальная анархия: возникали небольшие анклавные, где власть начинали создавать снизу. Так что действительно ли плоха анархия — мы по настоящему не знаем.

— А вас не пугает насилие, которое всегда связано с анархией?

— Насилие связано с любой властью. Есть какая-то странная иллюзия, что когда действует иерархическая модель управления, то насилия не то что меньше, а оно как бы иного качества. Но когда тебя насилуют, тебе уже не до идеологических убеждений.

— Когда человека тонкими финансовыми, рекламными, медийными манипуляциями заставляют встать по звонку и бежать к станку зараба-

тывать несколько тысяч франков или рублей или заставляют есть йогурт «Данон» — это, конечно, тоже можно признать насилием буржуазного мира. Но герои изданного вами Нестерова, громящие рынки, — это все-таки насилие другого качества...

— Да ведь все эти манипуляции — только промежуточная цель. Кроме того, иерархическое общество включает механизм физического насилия не реже, чем механизм насилия идеологического, рекламного и т.д. Есть даже устойчивый оборот: монополия государства на насилие. В конце стоит задача — добиться безусловного подчинения. Сначала тебе внушают, что хорошо и правильно есть йогурт «Данон», а потом, как в «Матрице», тебе внушают, что ты уже ешь «Данон», а на самом деле ты ешь отходы.

Общество потребления — не цель, а средство.

— А какие у вас, собственно, претензии к буржуазному миру, к обществу потребления?

— Полная капитализация всей сферы человеческой деятельности, превращение всего в товар при требовании постоянной экспансии — бессмысленны и невозможны. Даже вещи не могут до конца превращаться в товар. Товар в понятиях капитализма — это не изделие, не предмет и не ценность даже; товар — это способ приращивать капитал. Товар интересен до тех пор, пока его можно произвести и продать. Товарное производство — это сокращение человеческого наслаждения: человек наслаждается, производя капитал. Капитализм — это психологическая проблема. Это модель социального вечного двигателя, и, как любой вечный двигатель, капитализм абсурден.

— В вашей деятельности есть еще одно направление

активный скинхед. Работает художником и, кажется, вполне доволен жизнью.

— Но вот нам лично трудно допустить, что вы симпатизируете нацистам. Чем вы руководствуетесь, публикуя книги этого направления?

— Мы уважаем право каждого делать собственные выводы. Мы только сообщаем информацию. Это не плюрализм в смысле «мы любим коммунистов, мы любим анархистов, мы любим фашистов». В любом высказывании содержится некая доля истины. Если мы видим в книге эту часть истины — мы ее читаем.

Собственно, что меня привлекло в книге Нестерова? Первое: «Россия — общество правое, а не левое». Второе: «Власть находится в негласном консенсусе с националистическими низами». Это не дурное образование, не пэтэушники, сбитые

этой респектабельности напрямую зависит от размера проблем. Но, как бы ни было все благополучно, власть никогда не откажется от этого резерва...

— Грубо говоря, чем больше еврей Ходорковский будет пугать Путина — тем статуснее будут становиться скины?

— Чем больше еврей Ходорковский будет пугать Путина как еврей, а не как Ходорковский (тут есть очень тонкая разница...), — да, тем выше будет статус скинхедов. Но если еврей Ходорковский будет пугать власть как еврей, то еврейями окажетесь и вы, и наш пресс-секретарь Тая Аптулаева, и все здесь присутствующие...

Но я думаю, что Путина будет все же больше пугать «угроза с юга».

— Вы говорите о нацизме как о чем-то фундаментальном, неотъемлемом от власти. Свернуть с этого пути нельзя?

— Я думаю, нет. Дихотомия «свой — чужой» заложена в человеческом сознании. И пока мы не переделаем человеческую природу — все пойдет по-прежнему. Помните классическую схему американского фильма ужасов. С чего всегда начинается кошмар? С того, что в горюшке, где все хорошо, появляется прищелец. Он обожно или клоун, или бож. Некто с большой дороги. В

— Да я преуменьшаю! Вспомните: Германия, 1938 год... Достаточно убедить человека, что у еврея или чеченки, которые рядом с тобой, внутри живет чужой. Что он не такой, как ты. И вот заинтересован человек: он чувствует необходимость выместить свою социальную ущемленность, провести перерезал ресурсов.

Известен эксперимент: когда галок перекрашивают в другой цвет или повязывают на них ленточку — стая их забывает. И это нормальная основа внутривидового отбора, внутривидовой конкуренции. А человека можно и без ленточки убедить, что рядом — другой.

Хотя бы сталинские процессы 1930 года возьмите. Члены одной партии, производившие одни и те же слова вслух... Ресурс чужих уже был выбит в 1920-х. Пришлось срочно все пересматривать. И назначать своих чужими.

— Но ведь бывают же эпохи, скажем так, относительной общественной кротости?

— Да. И это всегда — эпохи изобилия. В эпоху изобилия проще питаться сносно, как все, чем пытаться урвать кусок у соседа. Обычно это бывает после больших войн (когда пассивные личности просто фи-

«Скины
нужны власти
как резерв
на крайний
случай»

тых механизмах воздействия на людей. Необходимость тайновласти возникла тогда, когда широкие массы получили хоть какую-то возможность контроля за властью. То есть с появлением первых признаков демократии в современной ее редакции.

— Вы руководите издательством, даете возможность высказаться людям, призывающим к отнюдь не бархатным переворотам; нацистам, готовым обеспечить себе будущее и отнять будущее у инородцев; проповедникам той свободы, что приходит после выкуренного косячка или марки кислоты. Вы считаете себя инструментом манипуляции сознанием?

— Конечно.

— Если ваше издательство — инструмент, то кто хозяин этого инструмента?

— Хороший вопрос. Нам, конечно, кажется, что мы (смеется). Но до конца я в этом не уверен. Именно поэтому деятельность наша широка. Нам интересно, где и когда мы столкнемся с реальным сопротивлением.

— Сопротивление есть?

— Пока такого, чтобы его можно было бы назвать реальным, осознанным сопротивлением, — нет.

— Поставим вопрос о сопротивлении иначе. Лимонов написал работу «Другая Россия», кусок ее опубликовал в своей газете «Лимонка». В ре-

«Капитализм
— социальный
вечный
двигатель,
и поэтому
он абсурден»

С ПЕРЕХОДОМ НА ЛИЧ

зически выбиты) или после больших эмиграций. Дефицит населения (в силу различных исторических причин) совпадает с эпохой процветания. И вот возникает такое государство. Но — как они жестоки по отношению к любому, кто пытается нарушить их порядок!

— Еще одна тема «Ультра-Культуры» — наркотики. За год пять или шесть публикаций, так или иначе связанных с наркотической культурой. Для вас что, наркотики являются ресурсом сопротивления?

— В равной мере и ресурсом сопротивления, и ресурсом порабощения. Как и любое изменение сознания в

на: тогда индустриальная фаза развития находилась на своем пределе, а марихуана вводила огромное количество потребителей, сужала трудовой ресурс.

— **Каковы средние тиражи ваших книг?**

— Тысяч по пять продаем. Лимонова — больше. Иногда что-то неожиданно вырастает. Нестерова продали тысяч пятнадцать.

— В пятидесяти тираже ваши мятежные манифесты кажутся очень интересной лабораторной игрой. Контрэллитарный эстетизм. Интеллектуальная провокация. Но мы же прекрасно знаем: когда идея получает широкий резонанс —

Ну... попадут эти книги в руки какому-то будущему Ленину. Который, конечно, будет абсолютно не похож на своего предшественника... Попадут. И что? У меня лично страх перед насилием как таковым отсутствует начисто...

— **Почему, Илья Валерьевич?**

— Потому что иная сторона от проявления насилия не откажется никогда.

— Воздействием всякого социального инструментария (и медиа тоже!) можно превратить большую часть населения в цивилизованных, мастеровитых, вежливых людей... Винтиков? Да и шут бы с ним! Но

Виктория ИВЛЕВА

интересах кого-то. Никакой наркотической культуры нет. Существуют наркотики — и существует человек. Они в человеке расширяют новые навыки — или уничтожают старые.

Сложная проблема, которая методически подавлялась после 1960-х гг. Почему? Помните исследования ЦРУ по веществу ЛСД, которые были моментально запрещены, переведены в список сверхсекретных? Как только стал вырисовываться новый механизм управления людьми, новый механизм власти, власть тут же его и приватизировала в свою пользу.

Сейчас в Европе происходит легализация легких наркотиков, марихуаны. Потому что стоит конкретная проблема: занять чем-то большие массы люмпенизирующихся средних классов. Марихуана делает всю жизнь зоной отдыха. Легализация легких наркотиков связана с новой для Европы проблемой «новой бедности» и «новой безработицы». Огромные массы людей в Европе не работают. Или работают чисто формально — такой евросоциализм... Алкогольные бунты еще возможны, а травня — я себе даже не представляю.

Но та же марихуана была еще в 1960-е годы невыгод-

**«Легализация
легких
наркотиков
связана
с новой
для Европы
проблемой
«НОВОЙ
бедности»**

у нее непредсказуемая судьба. От философов-энциклопедистов до абажуров и перчаток из человеческой кожи — страшное расстояние. Но первыми эти абажуры и перчатки все же начали выдвигать не гестаповцы, а санкилоты.

— Короче говоря, вы хотите спросить: «А если дети прочитают?!».

— Ага... Много-много детей.

— Кстати, вот вы и предлагаете жреческий путь, а жрецы суть — первые манипуляторы общественным сознанием: «Давайте ограничим знание некоей корпорацией посвященных, не отдадим его человеку-винтику».

это будет винтик с домиком и садиком. С детскими праздниками и прочими радостями. Часть этих кротких винтиков будет владеть тремя языками. Кто-то из них напишет, скажем, «Винни-Пуха». Или «Холодный дом». И — вот что важно — 85% героев романа Дмитрия Назарова «Скинны идут» могут рекрутироваться в эту часть нации. А могут — отринуть с себя прах буржуазности и громить рынки.

— Я сомневаюсь, что задача человека как космического субъекта состоит в этом. То, что вы предлагаете, — своеобразная остановка эволюции. Эти идиллии реализуются на ограниченном пространстве на ограниченное время. Все эти садики и детские праздники, которые были, с одной стороны, от 1870-х до Вердена, а с другой, ну, скажем, от 1953 до 1970 года, — они всегда были созданы за счет чьих-то немислимых страданий.

Обратной стороной этой идиллии была гиперэксплуатация людей, недр и ресурсов другой части человечества. Я не вижу в этой идиллии ни гуманизма, ни венца творения. Я не понимаю, почему это гуманнее, чем революция?!

● Беседовали
Елена ДЬЯКОВА
и Орхан ДЖЕМАЛЬ